Михаил ПОЛИЩУК (г.Калининград) **НИКОГДА**

А когда на море качка,

и бушует ураган,

приходи ко мне морячка...

(Придумают же...)

За день сделали шесть тралений, так себе — несерьёзные траления, от силы по полчаса. Но это для промысловых судов несерьёзные — тралили мало, уловы крохотные. А у нас в «Промразведке» траления поисковые: неважно, поймали или не

поймали, а отдавать и выбирать сети приходится по полной. Устали. На палубе — это вам не в цеху. Такая работа... Вечером, уже в темноте, наткнулись на промысловые концентрации и запустили седьмую, последнюю на сегодня, «авоську». Надолго запустили — в промысловый вариант, чтобы, значит, и цех не простаивал. Добытчики, кто как, в самых живописных позах, отвалились у многобарабанки. Бригада дело сделала, сейчас отдышатся, перекурят — и можно робу в сушилке развешивать; как раз к ужину вахту сдадут, дальше пожрать, и свободны — «в люлю». Выбирать трал будут уже «враги»*.

— Мужики, с камбуза жрачкой тянет. Что там на ужин? Кто знает? — как всегда первым нарушил тишину Василий.

— Щас узнаем. — Сменный тралмастер большого морозильного траулера (БМРТ) «Енисей», неугомонный, по восточному темпераментный Измаил Вахиев, прямо в робе, что строжайше запрещено, скользнул в коридор.

— Очень кушать хочется, — опять пробасил вечно голодный матрос Василий Лужин.

— А тебе зачем знать, что там на ужин, добавку всё равно просить будешь, обжора, — устало откликнулся его напарник по левому карману* Олег Вялов. — А за бабу отдал бы свой ужин?

Вялов, здоровенный сутулый детина, был не шибко общительный. Он ходил на БМРТ «Енисей» уже третий рейс подряд — на берегу почти год не был. Народ на таких поглядывает с опаской: что ему в голову придёт, чего выкинуть вздумает — не угадаешь.

— Я бы всё отдал, только не за какую-нибудь женщину, а за свою, — неожиданно отозвался Витя Фёдоров.

— И зачем только в рейс попёрся, дурило, сидел бы в тепле под юбкой… — протянул Вялов.

Фёдоров недавно женился и очень сильно переживал разлуку. Жену его никто из бригадников не видел, но предполагали что красавица, потому что сам он был парень видный и вряд ли женился бы на уродине. Суровикин, сосед по «камере»*, давно приставал к нему: «Покажи, да покажи свадьбышные фоты». А что показывать-то? Только они с Маринкой расписались — и в рейс, даже фотографий со свадьбы не дождался. Есть, правда, одна фирменная, где его молодая жена, ещё невеста, пальчиком щёчку подпирает, как в фотоателье усадили. Ну, очень красивая…

— Покажи друзьям свою красавицу, Витёк, мы ж её не сглазим. Она там, а мы тута. Покажи, Витёк, — снова заканючил Суровикин.

— Ладно, достал, сейчас принесу. — Витя вопросительно посмотрел на Мелентьевича, старшего мастера добычи, который вышел покурить с народом и присел в продавленное кресло у рычагов лебёдки.

— Давай, Виктор, только переоденься сразу как положено, чтоб грязь не разносить значит, — откликнулся старшой.

Пока молодожён ходил за фотографией, народ активно приступил к главной морской теме — про «бабс». Всё было как всегда. А какая ещё тема может вызвать искренний интерес у мужского контингента, который уже был оторван от своих половинок долгие месяцы, а впереди почти столько же… Штатный враль Саня Харламов рассказал похабную историйку про то, как жена проводила своего мужа в рейс, а отход задробили. Мужик с дружбанами вечером не домой, а «на хазу» рванул, где счастливо встретился с собственной женой и провёл с ней всю ночь, но на этот раз секс влетел ему в копеечку. Потом кто-то рассказал, как капитанская жена приехала к мужу в Таллин, где судно на ремонте стояло, а муж как раз в город на всю ночь отбыл. Дама решила не терять зря времени и развлеклась со всеми желающими. Вернувшийся утром капитан обнаружил на задней части тела своей сладко спящей супруги свеженькие кругленькие печати вверенного ему судна. Эти истории с вариациями преподносятся вислоухим слушателям постоянно, при этом всякий раз называются новые участники

событий, варьируются и фамилия несчастного капитана и название парохода. Надоело.

Вернулся Измаил. Он побывал уже у дверей камбуза и что-то ухватил, облизывал жирные пальцы. Услышав конец байки, сразу взял инициативу на себя:

— Вах, ребята. Я вам такую историю расскажу. Чудо просто. В кабаке перед отходом снял женщину. Такая баба, вах, красивая, блондинка, что она делала! Я такого не знал, что можно делать! Мамой клянусь! Артистка, просто артистка!

Эмоционального азербайджанца не очень-то слушали. Он был единственный в компании холостяк и мог себе позволить гульнуть законно, но больше врал, конечно.

Витя принёс фотографию, из рук не выпускал — залапают. Хвалили сдержанно, у каждого своя красавица дома:

— Очень красивая.

— Повезло тебе, Витёк.

— Вот не зря я так долго просил показать, такая миленькая девушка.

Тралмастер протиснулся:

— Виктор, и ты тоже с ней в кабаке познакомился? Молодец! Джигит! Это та самая, на отходе которая. Мы с тобой братья теперь…

Стало так тихо, что сквозь постоянный шум работающих судовых механизмов и шорох волн послышался звон ложек и вилок из посудомойки. Один только тупой «муслим» ничего не заметил:

— Смотри, какой губы удобный. Вах…

Не договорил. Стальной кулак добытчика швырнул его на пайола*. С большим трудом удалось-таки удержать Виктора, всей бригадой навалились, но ещё парочку «пенделей» он всё-таки успел отвесить.

Только когда срочно вызванный док увёл ревущего в голос мастера, Витю отпустили. Переодетый в чистое, среди грязных роб и проолифенок он выглядел в этот момент чужим...

Мелентьевич поднял упавшую фотографию — к счастью, она не пострадала.

— Успокойся Виктор, не дыши так шибко, а то лопнешь. Не знал Измаил, что ты за фотографией жены ходил. Он же сразу на камбуз слинял. Снято классно, как открытка с кинозвездой, поэтому он и решил, что открытка, — произнёс «майор»*.

— По дурости наш «петушок» вылез, вечно он примазывается, супермен хренов, — тут же включился Суровикин.

Каждый сказал что-нибудь, по его мнению, успокаивающее:

— Тут даже и думать нечего, такая красавица, да она на нашего южанина и не глянет.

— В кабаках таких женщин и не бывает, а в театр он в жизни не ходил.

— Всё, не бери в голову, пошли «хавку» принимать.

Олег Вялов под конец чуть всё не испортил — выдал по доброте душевной недавно слышанное:

— Чего переживать-то «...а когда на море качка, и бушует ураган, приходи ко мне морячка…»

Витя ещё сильнее налился краской и заявил:

— Так, мужики, прошу вас, забыли всё, что тут произошло. Я свою Марину люблю, по-настоящему люблю, мужики. А сорвался почему-то, уж очень противно стало, затмение нашло… Море… И думаю, не прав ты, Олег. Я лично своей жене верю, и поэтому никогда она мне не изменит. Никогда!

— Ну, страсти. Ты колосс, — проворчал Вялов. — «Никогда не говори никогда».

Эта история последствий не имела: до Первого* не дошло, а с Измаилом всё миром обговорили. Когда тот узнал, что на фотографии Витина жена, мать его будущих детей, тут же прибежал мириться и извиняться. Парень он был неплохой, хоть и баламут.

Лет через десять, когда на горизонте уже маячила перестройка, встретил я Витю Фёдорова. Давно мы с ним не виделись, слышал, что он закончил мореходку, много и удачно ходил в море, купил дом в пригороде. Размножается успешно – двое детей.

— Рад за тебя, Виктор. Говорят, ты теперь электромехаником ходишь.

— Да ходил, теперь вот в раздумье.

— Что так?

Виктор помолчал немного и, не отвечая, спросил:

— Ты помнишь тот наш давний рейс на «Енисее»?

— Конечно. «Как молоды мы были, как искренне любили...»

— Вижу, что помнишь.

— Прав ты был тогда, Витя, когда про женщин… В общем, мы все рисовались, а ты был прав.

Виктор как-то странно наклонил голову (то ли да, то ли нет) и спросил:

— Не знаешь, как там наши, кто где?

— Мелентьевич на пенсии, землю в саду ковыряет, бодрый ещё. Василия видел недавно, такой «волосан»* стал — не матрос, а адмирал прямо. Вялов плохо кончил, не жалел себя, без перерывов «мантулил», да и не любил никого… Нет его, погиб по пьянке. Суровикин — тот на биче. Измаил на родине; кем сейчас работает, точно не знаю, но лет пять назад был секретарём поселкового совета, — во как! Может, уже и в

министры вышел… Надеюсь, ты на него не сердишься за ту глупую выходку.

— Не сержусь, да и сразу не сердился, парень просто пошутить хотел, это ему на меня сердиться надо.

Мы стояли на центральной улице посреди тротуара и мешали прохожим. Был летний день — тепло, солнечно, тихо, только лёгкий ветерок чуть пошевеливал верхние веточки деревьев. Не хотелось разбегаться, такое случается со старыми знакомыми когда за плечами прошлое: мили, шторма и работа до седьмого пота.

— Вить, давай по пиву, — предложил я, — есть время?

— Есть у меня время, Денисович, и деньги есть, знаешь, много чего есть, вот счастья нет только… — заключил Виктор неожиданно.

Только сейчас я внимательно к нему присмотрелся. Передо мной стоял совсем другой человек. Это был уже не тот молодой крепкий парняга из добычи, а взрослый красивый мужчина с ранней сединой на висках. А в глазах засела тоска, такая глубокая, безысхо дная тоска, что я вздрогнул.

— Ты что, Витя?

— Пошли, — сказал он тихо.

Мы направились к скверику, где разливали вкусное холодное пиво и можно было спокойно посидеть под полотняным грибком. Дружно отхлебнув по большей части содержимого своих кружек, продолжили разговор.

— Витя, ты не преувеличиваешь насчёт счастья? У тебя жена, дети и все жизненные блага — и ты несчастлив? С чего бы это? — спросил я.

— Вот я тебе сейчас и расскажу с чего. Нет с нами Вялова, а то бы я ему сейчас признался, что прав был он, а не я... Помнишь, как он тогда сказал: «Никогда не говори никогда»?

— Помню. Это ж он из слышанного, употребил просто. Философом, по-моему, Вялов не был.

— Твоя правда, но тогда он в точку попал. Я ведь сказал, что не изменит жена мне никогда.

Повисла тишина.

— Изменила? — чтобы прервать неловкую паузу, вынужден был произнести я, что уж тут было спрашивать, когда и так понятно.

— Да. Но случилось это не тогда, а совсем недавно – в этом году.

Витя немного ещё помолчал, собираясь с мыслями, и из него хлынуло…

— Хорошо мы жили. Любили друг друга. А когда Иришка появилась, ещё крепче слюбились. Всё труднее нам разлуку переживать стало. Но делать-то что? Помнишь, как в песне:

И всё-таки море останется морем,

И нам никогда не прожить без морей…

Мореходку заочно добил. Подтянул английский. На балкер* устроился. Хоть и не за гроши, но наше семейное счастье продавал… теперь только понимаю… Шесть через шесть ходил*. А то и чаще. Подзаработал прилично. Дом в Марьяшкино построили с отцом вместе. Хороший дом: земля, сад, огород, до залива рукой подать. Эх, Денисович, живи — не хочу… Два года тому жена подарила мне сынишку, младшего Витеньку. А дальше… дальше… ты уже знаешь, в общем… Последний год совсем тяжело мне давался, серьёзно решил завязывать с морями. Но только соберёшься, а тут опять деньги позарез нужны: то баньку ставить, то катерком обзавестись. Так бы и ходил, наверное, от одной нужды до другой, а сейчас… Не знаю, что делать, совсем запутался… Ты старше — подскажи…

— Что всё-таки произошло? Ведь сам говоришь, что любовь была у вас взаимная, ребёнок малый, с родителями порядок… Жили вы последнее время, если я правильно понял, с твоими родителями? — спросил я.

— Да, всё так и было. Если честно, и в голове не держал того, что произойдёт... произошло, — поправился Виктор. — Что-то роковое, фатальное… Вяловская усмешка мне всё мерещится и это его: «Никогда не говори никогда»… А я сказал.

Как оно всё было, знаю только приблизительно — по рассказу матери. Где-то месяца четыре я уже в рейсе отбухал, когда хандра на меня напала, невозможная просто хандра. Ты знаешь, есть какая-то неведомая связь с родным, любимым человеком...

Тогда родным, — опять поправился мой собеседник. — Телепатическая, что ли, связь — места себе не нахожу. Стал радиограммами бомбить — тишина. Еле-еле доломал рейс. Мы в тот раз в Питер на подменку зашли, так я ни минуты не задержался, сразу списался — и домой.

Днём в Марьяшкино примчался. Никто не встречает… Отец с мамой за пустым столом, меня поджидают. Мать сразу в слёзы, что-то говорит, а понять ничего невозможно, отец в пол глядит… Сказал только: «Сам разбирайся».

Долго не мог уяснить, что же такое в моём доме случилось, молил бога, чтобы она и дети живы были. Понял, что живы, обрадовался. Сейчас… не знаю даже… хорошо ли, что жива она? А случилось вот что.

Группа молодых шалопаев гоняла на мотоциклах по Марьяшкино. На западе байкерами их называют. Знаешь? Это уроды такие: без глушителя, без прав, да ещё и без совести, я думаю. Плевать они хотели на то, что кто-то спит, что кому-то завтра на работу. А наш дом самый крайний на улице, дальше луговина начинается и вниз к заливу ведет. Так они ещё и разворачиваться придумали прямо перед нашими воротами. И хоть крепко ругался на них мой батя за то, что дорогу размесили, а главное, шум сумасшедший, покоя нет ни взрослым, ни детям, но когда несчастье случилось, он первый кинулся помогать. Короче, вылетел из седла на развороте один из них и головой о камень… Кровища… и не дышал даже поначалу. Вот тут как раз мой батя и оказался в нужное время в нужном месте, с того света вытянул. Дыхание восстановилось ещё до приезда скорой помощи, но перевозить врачи категорически запретили. Только чуть пошевелят – он снова отходит. Конечно же, в такой ситуации наши предложили в дом его перенести. Парень очухался недели через две. Оказалось, зовут этого морального урода Витей. Понимаешь, и этот тоже… Я — Витя, сын — Витя, и этот… тоже Витя. У него ни мамы, ни папы, один только брат двоюродный, приезжал разок. Не знаю, как там складывались его отношения с Мариной, какое чувство у неё возникло — материнское или «основной инстинкт»? Она ведь лет на десять-пятнадцать его старше… Не знаю. В голове всё это не укладывается…

Мама говорила, что хороший парень: уважительный очень, пока плохо ему было — руки всё целовал да слезой капал. Так всю зиму он у меня в доме и прокапал, а мне ни родители, ни жена ничего не сообщали. Весной он почти совсем выздоровел. Ездил на обследования в область и возвращался назад, как к себе домой возвращался. На прощанье пригласил всех в город, в ресторан, отблагодарить хотел… Отблагодарил… Мать, естественно, не поехала, у неё хозяйство, отец занят был чем-то, ну и

делегировали Марину. Мои собственные родители отдали мою дорогую жёнушку прямо в объятья этого поганца... «Очень уж приятный молодой человек этот Витенька. Никто и не подумал ничего такого». Опять же, у Марины репутация всегда безупречная была…

Отсутствовала моя любимая целых семь суток. Что в это время происходило между мужчиной и женщиной, понятно. Она отрицать и не пытается, а подробности — больно … да оно и ни к чему. Знаю только, что никто её не насиловал, сама решилась… Маме рассказывала, что как в угаре, ничего не соображала: ни себя, ни детей, ни тем более мужа не помнила… Этот новый её Витя в таком же состоянии был…

А когда очнулась, домой приехала, в сарае поселилась. Никто из дома не гнал — сама не идёт, живёт как скотина. Мама ей пищу носит, Иришка тоже носит, говорит: «Болеет мамочка моя». А может, и вправду болеет… Я её только издали видел — тонкая, совсем прозрачная стала… и платье голубенькое…

И что мне делать? И что дальше будет? Не знаю…

Что скажешь, Денисович?

Что тут скажешь… Поганое дело. Я ещё раз заглянул в его в глаза. Там был страх. Виктор отчаянно искал достойный выход из ситуации. Его жизнь рушилась…

Какое все-таки несовершенное существо — этот человек разумный (homo sapiens). Создан он вроде бы по образу и подобию, но по чьему образу, по чьему подобию? Где божественное в человеке, где разумное, доброе, вечное… Поступки наши зачастую

звериные, побуждения инстинктивные. Что выкинет это существо сегодня или завтра, предвидеть невозможно, ничто в нас не вечно и не постоянно. Вот уж действительно: «Никогда не говори никогда»… Так кто мы, люди? Неужели мы и есть вершина мироздания?! Ни за что на свете не поверю… Нет. Наверное, что-то Он задумал, но не доработал: то ли времени не хватило, то ли сил, то ли кто помешал.

Может быть, задумано было, что человек — это когда двое вместе: мужчина и женщина, а по отдельности не люди мы — половинки только? Может быть, стоит искать божественные черты лишь при полном слиянии, когда вместе, когда двое, когда нашлись? Может быть, в этом и есть смысл земного бытия — найти друг друга и стать человеком?

Мужчины и женщины мечутся по всему миру, совершают нелепые поступки и гибнут в одиночку, так и не став Человеком…

Редко кому повезёт встретить свою половинку, а у моряков в этом деле сплошная безнадёга. И надо же, есть такие счастливчики, которые умудряются встретиться и... потеряться вновь.

Почему же так-то? Боже мой, ну почему?..

Враги — другая бригада добытчиков. Термин повсеместно употребляемый на Северном бассейне, на Западном — иногда.

Левый карман — часть промысловой палубы, предназначенная для производства операций по отдаче и выборке трала на корме судна слева от слипа. У матросов добычи

рабочие места строго закреплены.

В частности, эти двое производили промысловые операции с левой траловой доской по левому борту судна, т. е. работали в левом кармане.

Сосед по камере — На старых БМРТ матросы жили в четырёхместных каютах без удобств, расположенных на нижней палубе. Эти каюты, по аналогии с тюрьмой, на флоте часто называли камерами.

Пайола — деревянные легкосъёмные щиты, в данном случае около лебёдки.

Майор — старший мастер добычи (помощник капитана по добыче) — самый главный добытчик.

Первый — первый помощник капитана (не является штурманом) — должность по судовой роли. Политработник. Комиссар — человек, преданный делу КПСС. В СССР на флоте осуществлял политическое руководство на судне, имел возможность списать любого члена экипажа, включая капитана. Чаще всего подбирался из бездарей, неудачников, у которых не сложилась карьера по специальности, — такими и управлять легче…

Волосан — на рыболовном флоте — опытный матрос, который уже много походил и всё на свете знает.

Балкер — сухогруз. Специализированное судно торгового флота для перевозки наливных или насыпных грузов.

Шесть через шесть… — режим работы, при котором половину времени года моряк проводит в море, а половину на берегу.